

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ПЕРЕПИСКА КНЯЗЯ
П.А.ВЯЗЕМСКОГО С
А.И.ТУРГЕНЕВЫМ.
1837-1845

Петр Андреевич Вяземский

Переписка князя

П.А.Вяземского с

А.И.Тургеневым. 1837-1845

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24646244

Аннотация

«Мы предали земле земное вчера на рассвете. Я провел около суток в Тригорском у вдовы Осиповой, где искренно оплакивают поэта и человека в Пушкине. Милая дочь хозяйки показала мне домик и сад поэта. Я говорил с его дворнею. Прасковья Александровна Осипова дала мне записку о делах его, о деревне, и я передам тебе и на словах все, что от неё слышал о его имении. Она все хорошо знает, ибо покойник любил ее и доверял ей все свои экономические тайны. Подождите меня...»

Содержание

1837.	5
794.	5
795.	7
796.	8
797.	11
798.	14
799.	16
800.	21
801.	23
802.	26
803.	28
804.	30
805.	31
806.	32
807.	35
808.	37
809.	39
810.	41
811.	43
1838.	44
812.	44
813.	51
814.	57

Петр Вяземский
Переписка князя
П.А.Вяземского с
А.И.Тургеневым. 1837-1845

1837.

794.

Тургенев князю Вяземскому.

7-го февраля, воскресенье, 5-й час утра. Псков.

Мы предали земле земное вчера на рассвете. Я провел около суток в Тригорском у вдовы Осиповой, где искренно оплакивают поэта и человека в Пушкине. Милая дочь хозяйки показала мне домик и сад поэта. Я говорил с его дворнею. Прасковья Александровна Осипова дала мне записку о делах его, о деревне, и я передам тебе и на словах все, что от неё слышал о его имении. Она все хорошо знает, ибо покойник любил ее и доверял ей все свои экономические тайны. Подождите меня.

Я уже отслушал здесь в соборе заутреню, в Благовещен-

ском новом соборе; отслушаю там и обедню с архиерейским служением, осмотрю древности и развалины, кои, как весьма немногие в России, могут сказать о себе, благодаря псковской осаде: «Fuimus»! Отобедаю у губернатора и ввечеру пушусь в Петербург (ошибкою чуть не сказал восвояси). В понедельник буду пить чай в семействе историка псковской осады. Обнимаю Велгурского и Вяземского, и прочих. Везу вам сырой земли, сухих ветвей – и только. Нет, и несколько неизвестных вам стихов П[ушкина].

На обороте: В. А. Жуковскому или князю Вяземскому.

795.

Тургенев князю Вяземскому.

5-го марта 1887 г. Москва.

Иван Иванович просил меня написать к тебе, что в статье о Державине сделана ошибка, которую нужно исправить. Вместо: Н. А. Волков нужно сказать: Вельяминов. Исправь ее.

Все ни слова ни о тебе, ни от тебя! Вчера провел вечер у князей Четвертинских, кои проводили уже своего зятка в Петербург вчера же ввечеру. Вчера же был и 150-й обед у Кологривова. Пашкова, дочь Надины, старшая, умерла, и матери не смели сказать о её болезни. Здесь некуда выехать. Один бульвар оживился, а я и по воскресеньям в Архиве.

На обороте: Его сиятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. В С.-Петербурге.

Тургенев князю Вяземскому.

29-го марта 1887 г. Москва.

Я приехал сюда третьего дня ровно через 53 года спустя после того, как въехал в Москву в первый раз из утробы моей матери. Дорога, разумеется, из Петербурга была ужасная: на колесах мы ехали по снегу и брали часто двойное число лошадей. Беловласая соседка моя не оживляла беседы нашей: меня занимала и тревожила одна мысль о том, что накануне отъезда ты сказал мне. Ожидаю завтра субботней почты с нетерпением. Будь только на этот раз аккуратен и обстоятелен в уведомлении: советовать по самому делу было бы уже поздно! *Fais ce que dois*; впрочем, в том то и дело, что у нас не отгадаешь, в чем именно состоят паши истинные обязанности. Исполнить их легче, нежели определить, особливо когда они сложные, как, например, твои, то есть... по всех не вычислить.

Первый вечер провел я дома. Вчера явился к князю Дмитрию Володимировичу, где видел только роут полицеймейстеров. Заехал к Свербеевой; она мила по прежнему и о вас (Вяземских, Карамзиных, Валуевых и прочих) расспрашивала много; повыспросил ее о многих и о многом; старое по старому: благородные собрания, концерты и только; проекты свадеб. Графиня Ростопчина написала послание к будущей Жи-

харевой: Павлов увяз в свою северную Коринну на Воронцовском поле, в доме тестя; приятели редко встречают его; не знаю, видается ли с музами, кроме своей законной. Вечеру явились ко мне: Булгаков с моими пакетами и с «Дебатами», Норов – с вестями о салоне Пашковых. Сбирался к княгине Софье Сергеевне Мещерской с колпачком княжны Марии, который довез в целости, по поленился и отложил визит до сегодня. Теперь скачу по делам и по деловым людям, а между тем заготовил письма и посылки к следующим особам обоего пола: 1) к графине Велгурской; 2) к экс-супер-интенденту Феслеру; 3) к сопернику моему Веневитинову; 4) к Татаринову; 5) к Аделунгу; 6) к Черняеву; 7) к Арсеньеву; 8) к Жуковскому; 9) к Прянишникову, к коему и решился послать их, а не через тебя. Сбирался писать подробно к салопу Карамзиных, Мещерских и отложил до сегодня, но ранний выезд помешал. Не могу однако ж не донести вам, что в Померанье нагнала нас княгиня Трубецкая-Четвертинская с своим супругом, который успел два раза взбесить меня: первое тем, что увел немедленно жену в другую комнату; второе, беспритворным провозглашением в лицо моему либеральству: «Je rosse les извощик de la maniere la plus affreuse!» Если бы жена за стеной не стояла, я бы отвечал этому кандидату Киселевского управления по своему. С тех пор мы не встречались. В Новгороде осмотрел в главе соборной старинные утвари, ризы, рукописи новгородские и вместе с сею народною и церковною святынею и с посохами и белыми кло-

буками митрополитов и поддельную дубинку Петра I, коей он преобразовывал любимых бояр своих и империю. Не она ли же приготовила нам и вышереченного князя Трубецкого? Нет худа без добра. Каналы, кормильцы России, примирили меня с дубинкою, по не с князем Трубецким...¹. В Торжке заняли меня французские котле...².

---

¹ Точки в подлиннике.

² Продолжение письма утеряно.

Тургенев князю Вяземскому.

12-го апреля 1837 г. [Москва].

В письме из Парижа, наскоро и в смущении духа писанном, вот что выписано из письма ко мне madame Ancelot, там оставленном: «M-me Ancelot также прислала к вам письмо, которое я решился распечатать и сообщаю вам содержание: благодарит за чай, говорит о смерти Жерара, которая была ускорена несправедливостию публики к его таланту и его чувствительностию. Далее: «Je vois toujours Koreff et sa petite femme qui est en train de lui donner un héritier...³ ce dont il a l'air tout embarrassé et tout singulier». Посылает экземпляр *Мариш* avec une préface, qu'on ne trouve que dans 20 exemplaires destinés pour des amis. Благодарит за affiches russes et franèaises, que m-r d'Archiac lui a apporté de votre part... pourvu que la pièce fasse plaisir, qu'on en soit content! Oh, j'y pense beaucoup! Au reste je suis ou je serais joué dans toutes les grandes villes de l'Europe, mais je tiens plus à l'opinion de cette élégante société russe qu'à, toute autre. Vous pensez que je sympathise bien à vos regrets pour la mort de m-r Pouschkine, dont j'ai connu et admiré plusieurs ouvrages. La mort, l'absence – tout cela est triste et pourtant compose la vie.

---

³ Точки в подлиннике.

P. S. Si la traduction russe de *Marie* était imprimée, je serais bien heureuse d'en avoir un exemplaire». Далее нейдут выписки.

Будешь ли ты сюда? Скажешь ли *rien que la verité* о том, о чем я почти никому не сказывал, хотя здесь многие о главном уже знали, но не о содержании твоей старинной эпиграммы.

Я был на сговоре Рябинина с княжной Черкасской, рыженькой, а с матерью черноволосенькой гуляю ежедневно и *отношусь* к ней на бульваре.

Что же ты ни слова о первом номере «Современника»? Что из моих коммеражей будет напечатано?

Закрасноворотский философ очень оправился, хотя еще никуда не является, но духом опять воспрянул. Ему сказали о твоих словах о нем в письме к Давыдову, и кажется это кольнуло его истиною замечания, а я еще не читал твоего письма.

Жилось бы и здесь месяца два, но парижское горе с ума нейдет. Тяжело! Поспешу туда, а ты поспеши сюда, если в самом деле собираешься. Хотелось бы на второй после фоминской неделе выехать. В Архиве ежедневно, но выборка не богата, хотя любопытно видеть о чем думали, о чем хлопотали и как писали и действовали во время Вольтера и Дидеро. О последнем кое-что узнал, так, как и о Рюльере, и списал; жаль, что не для твоей котомки. Я иду, то-есть, читаю, раком и восхожу от новейшего к старому, но старый пес на сене, Малиновский, все еще не все выдал мне, хотя и образумился

несколько. Сегодня примусь трепать папу и оставлю m-me Dubarry, Сергея Салтыкова, графа Чернышева, князя Дмитрия Голицына и Хотинского, и Шуазеля и прочих, и прочих.

798.

Тургенев князю Вяземскому.

16-го апреля 1837 г. Москва.

Ты не послал ко мне письма Плюшара, от федорова полученного, а я чуть-чуть не испортил здесь дела, заключив почти другое условие с здешним книгопродавцем. Письма твоего к Булгакову также не читал еще. Я здесь все привел в порядок и только ожидал Плюшара, чтобы копии с примечаниями послать в Петербург при письме к Мордвинову. Пожалуйста, не задерживай писем и пришли скорей Плюшара. У меня тысяча дел в голове, и об одном думать часто нет времени. И с Малиновским все еще надобно возиться, хотя он и получил разрешение. Отошли письмецо к федорову немедленно.

Я спешу кончить здесь дела и скорее ехать в Париж, ибо положение Клары и брата очень беспокоит меня. Дело по передаче имени я уже почти кончил и уже теперь почти я не Тургенев! Тяжело и грустно! Такого чувства я еще не имел. Уступил бы и другую половину дохода, одной лишившись, если бы можно было оставаться владельцем Тургенева и иметь надежду увидеть еще раз родимое пепелище, по оно теперь в письме к Стиглицу. Прости! Пожалуйста, не задерживай дела печатания писем: на нем основано другое, не для меня одного интересное. Потом издам Шлёцера, Дмитриева,

Жуковского, Батюшкова, тебя, и мало но малу все покойники оживут в письмах ко мне.

Посылаю тебе письмо Дидеро к жене о Петербурге и Екатерине. Если напечатаешь его в своей «Старине», то выпиши, в виде предисловия, то, что я говорю об этом письме и об обществе библиофилов в Париже. Это письмо мое в числе оставленных у нас. Издаешь ли свой альманах? Где будет письмо из Веймара? Мистификация 1727 года осталась у меня. Я готов прислать ее тебе, если ты поместишь ее в альманах. Иначе, не хочется отдирать листы от собрания дипломатического или переписывать две или три страницы, кои написаны с другими делами дипломатическими.

Я все укладываю и спешу привести в порядок то, что здесь остается и что беру с собою.

Тургенев князю Вяземскому.

19-го апреля 1837 г. Москва.

Христос воскрес! Наконец получил я и еще письмо от брата. Клара была в опасности от потери крови. Были признаки *d'une fausse couche*. Теперь, благодаря Бога, лучше, хотя она еще очень слаба, но сама писала ко мне.

Из прилагаемой у сего записки ты увидишь, в каком состоянии теперь дело о памятнике Карамзину. Сообщаю тебе следующие также верные сведения, но прошу тебя не называть меня, ибо тогда тотчас бы угадали, кем они доставлены, то-есть, Аржевитиновым, а он член комитета о сем памятнике и честнейший человек, и следовательно на верность сих сведений положиться можно. Другие члены комитета о сооружении памятника: Языков, умный брат поэта и Григорий Васильевич Бестужев, предводитель дворянства, благородный и добрый человек (не бывший удельный директор). Комитет сей объяснял прежде бывшему губернатору Жиркевичу, и он с своей стороны сделал все, что мог; но жаль, что не отдал под суд канцелярии, утаившей большую сумму при губернаторе Загряжском (7000 р.), который, вероятно, с секретарем делился его женою и деньгами на памятник. Жиркевич взыскал сии деньги сполна с канцелярии и потом поступил, как в записке значится. Но тот же секретарь остал-

ся, а между тем поступали и поступают суммы в канцелярию губернатора, и зло, может быть, продолжается. Слух носится, что теперешний губернатор, хотя человек и порядочный, также в связи с женою того же секретаря своего; оттого опять не дают надлежащего хода этому делу и защищают секретаря, с коего бывший после Загряжского губернатор взыскал уже 7000 р. Комитет начинает отчаяваться в получении исправно денег; разве ожидать, что Контроль выведет все наружу, но между тем не будет памятника. Вот еще утрата по комитету, и также только для объяснения там, где это может быть без вреда членам комитета: недавно было у них заседание в комитете. Один из них обратился к г. Пересекину, приехавшему из Петербурга, и предложил пожертвование. Пересекин отвечал, что готов дать и еще, но что он уже вручил Загряжскому в Петербурге, при встрече с ним и по его предложению, 50 рублей ассигнациями и подписался на каком-то листе. Справились с делами комитета и не нашли ни имени его, ни того листа и никакой суммы, особливо от Загряжского представленной. Комитет желал бы, чтобы ему позволено было публиковать в газетах отчет. Об этом представлял бывший губернатор Жиркевич, по разрешения не получил, и неизвестно почему. Это бы полезно было и потому, что тогда открылось бы, кто не заплатил по сбору, бывшему на вашем петербургском обеде, где пожертвовано 4500 рублей; а внесли деньги только Дмитриев, князь Вяземский, Жуковский, Пушкин и еще кто-то. Мне пришлют имена и другим внес-

шим, но немногих; кажется, министры не внесли. Оттого не смеют и напоминать по именам тех, кои не внесли, а только пили в память бессмертного – «in silence», как говорят англичане, но они и вносят. Меня умоляют похлопотать об этом в Петербурге, а мне чрез кого же хлопотать? Попытайся ты, не выводя моего имени, дабы не угадали Аржевитинова. Загряжский знает уже, что я не скрывал его симбирских мерзостей, да и от кого они были скрыты? Разве от тех, кои, выкинув его из службы, дали ему 6000 рублей жалованья. Но я не даром говел и замолчу.

Мы с тобой сошлись в чувстве и в мнении о Подновинском. И для меня, после Corso, это первое народное гулянье. Я ставлю его выше *mât de cocagne* парижского и прочих; радуюсь, что увижу его, хотя в последний раз. Предпочитаю и наше *умовение ног* римскому. У нас вернее и ближе к тексту Евангелия действуют, да и нет примеси басни, то есть, нет тринадцатого слетевшего откуда-то ангела, а просто двенадцать апостолов. Все чинно, и дьякон ревет во услышание всего набитого православного собора, так что каждый знает, что в каждую минуту происходит в туалете архиерейском. Но и здесь, в самом действии, много еще театрального; например, разговор Иисуса Христа с Петром-апостолом. Впрочем, этот разговор – в тексте. Вчера слышал я у княгини С. Мещерской, как *Казимир* восхищался первыми минутами благовеста и народным сборищем в Кремле в полночь Светлого Воскресения. Я сам расчувствовался и погрузился в ка-

кое-то религиозно-патриотическое мечтание, услышав первый гул ночного колокола Ивана Великого с товарищи. Какой-то рев и гул вместе, и ночь, полуосвещенная плашками и свечами, вокруг церквей бродящими. Уверяют, что надобно в эту минуту быть на Иване

Великом и видеть, как под ним и около всех церквей московских кружатся огни и толпы народа и священно-служителей под колокольную музыку. Одна беда: Элим М[ещерский] собирает все это описывать. Скажи княгине Екатерине Николаевне, чтобы она вытребовала от княжны Марьи фразу Элима по сему случаю, и при сем случае похристосовайся за *милого подлеца* с милым семейством Карамзиных, Мещерских Вяземских. Кто-то радовался надеждою; по изречению поэта

Стал счастлив – замолчал;

но Элим продолжает писать по сонету за день невесте. Ею, впрочем, восхищаются и не женихи одни: все хвалят заодно, и даже девицы. День разгуливается, а вчера шел дождь и устрасил подновинских охотников, но были и светлые минуты. С утреннего роута от князя Голицына проехал я на Воробьевы горы раздавать красные яйца, пасху, куличи и вынутые за мое здоровье просвиры жидятам и жидовкам, отправляемым на поселение. Они кушали предлагаемое с аппетитом, и я со многими христосовался. Европейская и сим-

бирская коммера, а твоя мама-Еремеевна.

Тургенев князю Вяземскому.

22-го апреля 1837 г. Москва.

За то, что ты не уведомил меня, почтенный дедушка, о вступлении в свет девицы Елисаветы, честь имею поздравить тебя с св. Анною. Что ты умничаешь своими глазами? Наклепал на себя лихую болезнь, и с той поры, как переписка с таким порядочным человеком, как я, могла бы пособить истинной твоей болячке, ты перестал писать ко мне. Прикажи хоть Павлуше уведомить меня обстоятельно о настоящем *положении* милой маменьки. Что княгиня Катенька Мещерская? Для чего бы не вместе? Татаринов уведомляет, что ты в Москву не будешь; итак, прости до Парижа!

Благородное собрание было вчера не очень многолюдно; я *относился* к княгине Черкасской, вдовушке, следовательно не к будущей belle-mère Рябинина, и усадил ее в чужую карету. Под Новинским дождь не помешал мне вчера проехать, а сегодня начну там пешешествовать. В Архиве не был только в одно Светлое Воскресенье. Читаю проказы Dubarry и смерть короля-Bien aimé ou plutôt bien détesté. Какой век! Дипломатические ноты о Монгольфьере в цифрах! В депешах – эпиграммы и мелочи тогдашней французской литературы! Граф Румянцев громит Турецкую империю; Репнин плодит нас чинно и важно в европейскую систему Тешен-

ским миром (Я. Булгаков – секретарем его); он же с Штакельбергом готовит падение Польши; и между тем как умы и дипломатические перья заняты баллоном иль Турецкой войной, Панин ставит Россию на первую, по тогдашнему, чреду в порядке государств европейских. Но вот в чем беда: судя по историческим компендиям и по всем европейским историям нашего времени, потомство не догадается, что Россия играла такую блистательно-важную роль в XVIII веке, если мы оставим архив в руках Малиновских; оригинальная переписка Румянцовых, Репниных, Папиных, Остерманов, Потемкиных, Голицыных, Кантемира, коему дипломатика не мешала переписываться с итальянскими поэтами и выписывать англинские книги, эта переписка, часто мелочная, но иногда и существенно историческая, сгниет без реестров и в хаосе архивского порядка. К пей бы приставить грамотных молодых людей, читавших новые книжки, и дать им в образец Коха, Mignet, а на первый случай хотя Кудрлиского. Труд можно распределить не по эпохам, а по дворам, а после бы одному поручить свести частные истории в одно целое и назвать этого сводника историографом.

Что-то у вас скажут на вчерашнее «Прибавление» в «Московских Ведомостях», подписанное: «Дм. Давыдов»?

Тургенев князю Вяземскому.

25-го апреля 1837 г. Москва.

Я прочел в твоём письме к Булгакову то, что пишешь о смущении Карамзиных при требовании Плюшара. Все это произошло от того, что я долго не получал первого письма его и по сию пору не успел отвечать ему отказом в тех пунктах, кои он написал в письме ко мне сверх нашего условия. Я слышал, что Жуковский якобы доставил ему несколько писем Карамзина для напечатания с моими. Это он может сделать, если цензура одобрит, и если Жуковский находил их достойными печати. Вы можете отказать ему, если не желаете, или вам нечего дать ему; по я пошлю ему только то, что выбрано из моих и несколько других, у меня в копии находившихся, как писем, так и записок; например, о Новикове и прочее. Я выкинул все незначущие письма и записки и оставил только те, кои любопытны или по содержанию, или по выражению прекрасной души или прекрасного чувства; в главных письмах много исторического о России и о книгах иностранных, кои в то время я доставлял Н[иколаю] М[ихайловичу]. Если вы не хотите помогать мне в сем сборнике, то по крайней мере не мешайте. Я сделал уже и объяснения и все дни через два перешлю в с. — петербургскую цензуру. Катерина Андреевна, как и часто случалось, и в сем случае

вас всех благоразумнее: она чувствовала, какую цену могут иметь сии письма в глазах России и литераторов; а для меня они бесценны. Она и позволила, не смотря на сомнение Софьи Николаевны, которая не уважает того, что есть достойного по литературной части и по слогу – любопытства в этих письмах. Скажи ей за это гнев мой и прибегни, вместо меня, к защите княгини Мещерской, мне всегда покровительствовавшей. Изданием, то-есть, содержанием будете довольны, а употреблением прибытка – еще более. Не мешайте, а помогайте и не пугайте издателей! Я показывал Ивану

Ивановичу собрание, но он видел и те записки, кои я выкинул, Обещал выписку о Новикове, но по сию пору не прислал. Скажи Софье Николаевне, что если она будет хлопотать против меня в этом деле и разуверять Катерину Андреевну, то я напечатаю все её царскосельские записочки на розовой бумажке в Париже и разошлю по всем фэшионэбельным салопам в Петербурге.

26-го апреля.

Шутки в сторону: отчего вы теперь смущаетесь тем, на что соглашались, и что вы сами отчасти провоцировали. Зачем было не сказать мне прежде? А теперь я заключил условие, хлопотал и в Петербурге, и здесь, и дело огласилось. Да и зачем оставлять под спудом такое сокровище? Со временем другие по частям напечатали бы, без всякой пользы для ко-го-либо. Еще раз: не мешайте! Я бы доставил вам (и хотел

это сделать) копии посылаемых в цензуру писем, но теперь
опасаюсь, что вы задержите, а я спешу все при себе кончить
и еду недели через три. Вчера княжна Вяземская вышла за-
муж.

Тургенев князю Вяземскому.

30-го апреля 1837 г. Москва,

Перебирая корреспонденции батюшки с его современниками, я нашел между письмами Державина, довольно безграмотными, и то, где он благодарит его за стихи Жуковского и Родзлики и дает им, в четырех стихах, совет не ему, а русскому Пиндару и Гомеру подражать, намекая о Хераскове, тогдашнем кураторе университета. Мне пришло на мысль написать статейку для твоей котомки, под заглавием: «Совет Державина Жуковскому в 1799 году» и приложить к ней письмо Державина к батюшке по сему случаю и другое с четверостишием к Жуковскому и к Родзянке. Не худо бы отыскать и самые произведения, за кои Державин хвалит; по они в пансионских актах, а разве мой подмосковный архив или Антонский могут доставить их? Но я не знаю издать ли ты «Старину и Новизну» прежде или после отъезда своего, да и едешь ли? Я решился издавать вас, живых покойников, в Париже, мало по малу, и записки свои или свою биографию включать в примечания к издаваемым письмам. Иначе я и себя вспомнить не могу. Ты что-то упомянул Булгакову о симбирском письме моем? Мне хотелось, в ожидании памятника от всей России, поставить ему свой, и по своему и именно в Симбирске, но с вашими сомнениями и медленно-

стями во всем и для всех ничего не успеешь. Иван Иванович, вместо обещанной выписки о Новикове, доставил мне семь строк из своих записок.

Я обратился вспять в чтении бумаг здешнего Архива и вчера перелистывал депеши Кантемира. Какой умный и оригинальный слог! Как бы много, не только для истории, по и для эпистолярных образцов, можно взять из него! Например, сообщая о предположениях двора и парижской публики кто заменит кардинала Флери и упоминая о трех кандидатах и о их партиях, он говорит об одном из них: «За кардинала Тенсвна заступает женский пол при дворе и вся иезуитская ватага». Из донесений других министров русских можно бы заимствовать характеристические черты в другом роде; например, суждения барича-раба князя Бярятинского о первых действиях на престоле Лудвига XVI. Как-то принимала их, то-есть, суждения своих министров, *в то время*, до французской революции, умная и опередившая не *свой*, а *наш* век Екатерина? Сначала, до указа, воспетого Капнистом, и послы подписывались в реляциях рабами. Как ни говорите, а в бессмертной Екатерине было в самом деле что-то бессмертное, и Пушкин не даром любил ее, да и я иногда забываю, что при ней Прозоровский жег «Иоанна Арндта», и что она выдержала нас пять лет в глуши симбирской.

Вчера ошибкой послал чрез тебя Булгакову письмо к Татаринову. В нем записка к барону д'Андре, коей я не хотел обременять тебя, и просьба о доставлении «Современника».

803.

Тургенев князю Вяземскому,

[Конец апреля. Москва].

Сбираюсь послать к тебе, для твоей котомки, если хочешь, стихи: A monsieur le Comte du Nord, recités il la séance de l'Académie Française, le lundi 27 mai, 1782», кои хорошо бы напечатать вместе с письмом, уже мною напечатанным в «Bulletin Historique», Вержена к Вераку, о пребывании Павла и Марии в Париже. В стихах академических много и о Петре, и порядочно:

Il sut voir, et penser, et voyager en sage
Capable de tout faire, il voulut tout apprendre.

И вот какие (обращаясь к Павлу и Марии):

Aujourd'hui ce grand homme ouvre les yeux sur vous:
Son ombre est de vos pas la compagne assidue,
Et pour voir Pétrowitz, nu Louvre descendue...

Много комплиментов и русским, не по нынешнему. О самом Павле:

Epoux de Virtemberg et fils de Catherine...
Et quel pays jamais peut offrir à vos yeux

Rien de plus beau que l'une (то-есть, Виртембергская Мария) et de plus grand que l'autre (то-есть, Екатерина).

В числе valet de chambre, бывших в Париже с Павлом, нашел я и Кутайсова. Теперь читаю Тетенский мир, Репниным заключенный. Акты писаны часто рукою Я. И. Булгакова. Сколько истории пропадает в Архиве, и истории полезной, наставительной и для нас почетной! Псы заедят, а совы за-
ключают, если пробудить тяжкий сон Екатерины, Румянцевых, Потемкиных et compagnie.

Тургенев князю Вяземскому.

4-го мая. Москва.

Посылаю тебе две ведомости. Из одной увидишь, что Москва, где «История» начата и полунаписана, не отличилась рвением к историографу. Мне обещали доставить и копии с письма Оболянинова, в коем он по своему доказывает, что Карамзин не заслужил памятника. Не лучше ли бы памятник «aere perennis»? Будет ли взыскана недоимка? Обними за меня милое потомство Карамзина и скажи ему и себе, чтобы не мешали, а помогли мне воздвигать другой памятник, коего ни губернатор, ни

Бремени полет не могут сокрушить.

Сделай милость, спроси у графа Матвея Велгурского, будут ли отправлены три экземпляра румянцовских актов государственных, мне и архивам парижским пожалованных, в Париж, согласно отношению о сем князя Голицына к графу Нессельроде. Дело это не к спеху, а хотя к июлю в Париже. Это но его части, и он обещал меня о сем уведомить.

805.

Тургенев князю Вяземскому.

10-го мая 1837 г. Москва.

Прошу вас сказать Плюшару, что он напрасно ходил к Карамзиным и Жуковскому от моего имени просить писем Карамзина; что я тогда еще и не получал его о сем предложения; да когда он и поместил это в проекте новых условий, то и тогда отвечал я ему: «C'est votre affaire», а сам и не брался никого просить о сем, сказав однако ж, что это зависит от Жуковского и Карамзиных. Сим поступком он навлек какие-то сомнения в семействе Карамзина и обидные для меня предложения, коих горькое для меня чувство будет неисцелимо в сердце. Я прошу вас кончить все это дело и, запечатав мои рукописи и прочее, отправить их чрез г. Прянишникова ко мне. Не знаю, что вы успели сделать по письму моему к Мордвинову; но если еще не подали, то не подавайте; а если подали, то так и быть, ибо это дело не повредит, по крайней мере мне, в глазах тех, кои лучше знают мои побуждения, нежели те, коим давно бы пора знать меня. Отвечайте мне поскорее.

806.

Тургенев князю Вяземскому.

18-го мая 1837 г. Москва, Утро.

Сейчас принесли мне письмо твое от 14-го мая. Я сердился или, лучше, огорчился и огорчаюсь еще и теперь текстуальным смыслом письма твоего и твоими словами, мне переданными. Ты предлагал мне, от себя или от Катерины Андреевны, — не знаю, выкупить письма Карамзина и угрожал взысканием за те, на кои якобы я не имею права, хотя я все и все показывал вам и неоднократно говорил о своем намерении и при вас; с вашего согласия начал его приводить и в действо. Говорить в предисловии от самого себя об употреблении суммы — мне не пришло в голову, да казалось бы и неловко; тем более, что я долго и сам не знал, на какое именно употребление пойдут деньги. В бытность мою в Симбирске, пока я и многие другие благонамеренные желали и надеялись, что обелиск не состоится, и что наконец согласятся на желание нашего большинства употребить весь капитал на учреждение десяти или двенадцати карамзинистов при гимназии, где бы в зале поставить и бюст Карамзина, я хотел присоединить мою сумму на содержание одного или двух тургенистов; но когда состоялся доклад о памятнике, я послал его в Симбирск, но все еще помышлял об одном или двух карамзинистах и об одном тургенисте из сей сум-

мы, полагая, что она будет значительнее. У меня были уже для сего в виду и кандидаты в Симбирске; не знаю, говорил ли я о них Екатерине Андреевне. Впрочем, это желание сделалось после не слишком сильным, ибо я не видел верной и скорой надежды осуществить оное и думал уже о другом (о чем – со временем скажу тебе одному на словах, если мы где-либо свидимся). Ни в каком однако же случае и никогда не предполагал я обратить в свою пользу сего капиталчика; и здесь, и в Симбирске многие о сем знали, ибо я беспрестанно писал о сем туда и получал сведения, что там по делу памятника делается или не делается. Чем более дорожу я мнением обо мне Карамзиных, тем прискорбнее должно было мне читать в твоём письме все, что в нем написано. Теперь я с толку сбился. Ты не отдавал письма федорову; федоров не отдавал письма Мордвинову, а он, по просьбе одной дамы, давно ждет его и обещает немедленно все исполнить. Плюшар здесь, но сегодня едет; не знаю, увижу ли его; во всяком случае, в полную собственность я не отдам ему писем и никогда не отдавал. Письмо мое к нему с условиями у федорова. Кому мне было поручить издание? Все заняты. Я отдал федорову материальную часть, корректуру и прочее, а Сербинович обещал пересмотреть ее. Павлов написал здесь славную статью по поводу сего издания, а вчера прочел мне ее; она принадлежит мне, по где ее напечатать? Он бы желал в «Современнике», если он выдет прежде (разумеется, вторая кпижка) издания писем, или в «Литературных Прибав-

лениях к Инвалиду»; а я бы лучше желал, чтобы она напечатана была с письмами, подобно тому, как Батюшкова статья к изданию Муравьева. Пришлю ее вам скоро: судите. Желал бы скорее все кончить, ибо спешу уехать; может быть, поеду и к водам прежде, ибо нездоровится. Снесись с федоровым, а я уведомялю, что скажет мне Плюшар сегодня, если увижу его. Напишите подробнее о Попове.

807.

Тургенев князю Вяземскому.

31-го мая 1837 г. Москва.

Я получил б субботу письмо от Софии Николаевны и вот ответ. Передай Б. М. федорову, чтобы ни в каком случае не печатал письма о Болотникове. Впрочем, делайте что хотите: мне и тяжело, и нет времени заниматься этим делом. Если получу сегодня из Симбирска отпускную, то-есть, окончательное решение главного моего деревенского дела, то выеду дня через четыре, но еще не знаю куда. Прямо ли на Варшаву я должен спешить – ожидаю из Петербурга. Ни там, ни здесь письмами, издаваемыми или не издаваемыми, заниматься не буду. Здесь надеюсь развязаться с Малиновским, но жалуюсь на старого подлеца формально графу Нессельроде потому только, что не мог встретить и разругать его лично, хотя прежде и досталось ему.

Не пошлешь ли ты Осиповой выписки из своего письма к Давыдову всего, что ты говоришь о вдове Пушкина. Она собирается к Осиповой, и та хочет принять ее, но в ней гнездится враждебное к ней чувство за Пушкина. Не худо ее разумить прежде, нежели Пушкина приедет к ней. Мне самому некогда. Адрес её: её Высокородию Прасковье Александровне Осиповой. В Псковской губернии, в городе Острове, в село Тригорское.

Княгиня Трубецкая вчера родила дочь. И мать, и дитя здоровы. Я был ввечеру в Петровском и видел тех, кто был у ней. Поздравляю.

Я совсем не знаю наверное, проеду ли чрез Петербург, и отъезд мой отсюда зависит совершенно от симбирского письма.

На обороте: Его сиятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, в С.-Петербурге. Распечатал сам.

Тургенев князю Вяземскому.

26-го июня 1837 г. Тильзит. Полдень.

Прочти письмо к Нефедьевой и Арженитинову и отошли его через Булгакова. К первой я еду знакомой издавна дорогой: В Шавле, в Таурогене живал и голодал во время войны 1807 года; здесь также. Опишу вам воспоминания прошедшего. Но куда пересылать написанное? Кстати: будут ли напечатаны в «Современнике» те письма, кои я тебе оставил, и нужны ли новые из Германии и Парижа? Во всяком случае, будут ли или не будут напечатаны, пожалуйста, скажи издателям, чтобы они доставили мне оригинальный список в Париж на мое имя, когда в нем не будут иметь нужды. Прошу их и тебя об этом убедительно.

Как интересен архив рижский и в каком порядке акты и каталоги! Вот бы нашему поповичу-сенатору где учиться приводит в порядок и сберегать исторические документы! Я многое заметил и укажу в письмах на замеченное. Передай Булгакову дружеский поклон. И здесь я сдружился с почтмейстером: это один из центров европейских корреспонденций. Обними своих и Карамзиных, и Велгурских. В Риге я провел день и обедал с Борером. Он еще там, у Петерсона. Простите! Не забывайте вашего потаскушку, который везде по прежнему вас любит и любить всегда будет, quand-même.

Пиши в Берлин или в Дрезден, или в Париж.

Три часа.

Объехал город и окрестности, видел дома, где жилали императоры; дачу, где Наполеон угощал королеву; издали видел деревеньку, из коей два раза только могла она сюда явиться пред завоевателем; исходил на крыльцо ратуши, с которого меня толкнули ратсгеры, на другой день по выезде императора Александра отсюда, а накануне еще честили моих раненых и давали им приют и пищу. Вид на Мемель-Неман прекрасный, особливо с одной дачи. Иду обедать. Прощай!

На обороте: Его сиятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

Князь Вяземский Тургеневу.

2-го июля. Царское Село,

Вот началась пальба рикошетами: от меня к тебе, от тебя к Нефедьевой, от Нефедьевой к Аржевитинову.

Праздник вчера не удался: иллюминация за дождем была отложена, кто говорит до нынешнего вечера, кто до завтрашнего. Я смиренхонько просидел здесь за киссингенскою водою и очень рад. Завтра еду в город на чернила, то-есть, на службу. Вот целую неделку погулял здесь.

Сделай одолжение, узнай, где живет вдова Шаховская (урожденная Щербатова, ведь ты ее знаешь), и вели спросить от меня, благополучно ли доехал до неё сын её из Царскосельского лицея? Говорят, вышло три красненькие: Адлерберг, Перовский, Кавелин; одна фрейлина, старшая дочь Виельгорского; один (флигель-адъютант – Арапов, по не наш Пимен; впрочем, брат его, что почти все равно. А Пимен, вероятно, ради наружности своей, определился к нам во внешнюю торговлю. А внешность жены его, племянницы поэта-слепца Козлова, очень мила. Пока прости! Мне грустно было выпить сегодня последний стакан своей воды. Уж нет на свете подобной мне скотины привычколюбивой. Помню, что когда-то вдруг сделалось мне тяжело и грустно: ищу в голове и в сердце, что может быть тому причиною. Ничего

не нахожу; наконец, что же открывается? Я тогда отослал извощичью карету, в которой ездил несколько месяцев, и взял другую. Вот что лежало у меня на сердце и давило его. Шутки в сторону! Впрочем, у меня тут есть и суеверие: всякая перемена, всякий перелом в жизни, в ежедневных привычках меня пугает. Я будущего не люблю я занимаюсь им только тогда, когда оно сделается настоящим; впрочем, и тут не очень люблю его. Всего сердцу дороже – прошедшее. Обнимаю!

Тургенев князю Вяземскому.

23/11-го июля 1837 г. Берлин.

Я собирался написать к тебе большое письмо отсюда, ибо предметов столько, и я так ожил здесь душевно и мысленно, что стало бы меня на целую стопу, но времени нет. Итак, до *киссенскаю досуга*, а между тем перешли, если получишь, копию с письма моего к к[нязю] А[лександр] Н[иколаевичу] к сестре моей, Александре Ильинишне Нефедьевой в Москву, сказав, что делаешь сие по моему поручению, а Булгакову поручи списать копию с этого письма и для Аржевитинова и переслать ему, что он обещал мне, В награду же перешлю к тебе с *оказиею*, через Тильзит, лежащие уже теперь передо мною первый и второй номера (более еще не вышло) «Fac-simile von Handschriften berühmter Männer und Frauen», всего 60 fac-simile. Они примечательны не только по почерку, но и по содержанию. Покажи князю А[лександр] Н[иколаевичу] письмо императора Александра; издатель не хотел объяснить, к кому оно писано. Третья тетрадь, также для тебя, содержит fac-simile великих людей, изданные в сем году в Голландии, на немецком и голландском и с текстом на двух же языках. И тут есть любопытные, например Гуго-Гроция, Лафатера и прочих. Первого номера не вышло. Первых двух надеюсь иметь продолжение и пересылать к тебе; с си-

ми тетрадами будет и немецкая книга, на сих днях вышедшая. C'est un oeuvre posthume d'uu des plus grands penseurs du siècle, Hegel, dont la philosophie s'est emparée des têtes d'ici et domine celles de presque toute l'Allemagne pensante. Ce volume contient la philosophie de l'historié, et vous l'enverrez à Moscou, à Ч[аадаев] par une occasion sûre. Je tacherai de vous donner une idée de cet ouvrage dont j'emporte un exemplaire, à, Kissingen et à Paris. J'ai été déjà, frappé par des éclairs de génie, qui sillonnent sur ces pages immortelles. Удастся ли передать нам все, что я здесь собрал в мою котомку! Хвалят очень Мельгунова и его книгу о немецкой литературе, которую издает немец Кёниг. Я здесь разорился на немецкия книги, а читать их буду в дороге и в Париже. Глазам немного лучше: обеды с учеными bons vivants портят их. Прости! Обними своих! О Пушкине много говорил с принцессой Августой и дал ей выписку из письма Катерины Мещерской, сказав, чтобы не сказывала никому об имени автора письма. Графам, а особливо графине Велгурской – рукожатие. Скажи ей, что Рибопьера нет; что okazji для пересылки отсюда также нет. Итак, книги к ней – до другого времени.

На обороте: Его сиятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. В С.-Петербурге или где-нибудь.

811.

Тургенев князю Вяземскому.

6/18-го октября 1837 г. Париж.

Милый Вяземский, отошли эти шесть книжек чрез И. ф. Прянишникова к Булгакову, а он перешлет в Симбирск, на имя Ивана Семеновича Аржевитинова. Можешь приложить и эту записку.

1838.

812.

Князь Вяземский Тургеневу.

25-го февраля 1838 г. [Петербург].

Какими переворотами журнализма, доктринизма, конституционализма или лежитинизма попалась моя статья в «Gasette de France»? Зачем же не напечатал ты ее особо, и что же ты мне ни слова не говоришь о том, как все это сделалось? Исправлена ли ошибка «indignes sujets» вместо «indigeus»? Сам ты indigne sujet и mauvais sujet. И зачем выкинули моего приятеля Diderot? Ведь был он же гостем Екатерины? Remerciez bien, je vous prie, monsieur de Bavante pour sa correction et pour l'intérêt qu'il m'a témoigné. J'y suis très sensible. Здесь газет мало получают et on se m'arrache: у меня у самого листок был только на полчаса в руках. Нельзя ли отпечатать особенно несколько сот экземпляров, разумеется, на мой счет, и мне прислать экземпляров сто. Здесь немногие знали о моей статье, и мои головешки упали, как снег на голову. А ты все врешь, и Жуковскому не передам того, что говоришь о его прежней статье. Он рассердится, а я только смеюсь. Ты настоящий парижский прянишник, abonné au

«Constitutionnel», и как он сидишь вечером на одной мысли и не идешь ни вперед, ни назад. Политика политикою, а где нет политики там глупо педантствовать и доктринерничать. Но Бог с тобою: надобно друзей своих любить с их родимыми пятнами и бородавками. Твое шестидесятистраничное письмо переживаетея теперь сквозь решета редакции «Современника» и цензуры и, надеюсь, скоро явится на стол почтеннейшей публики. В нем много хорошего, и если выкинуть из него то, что не по нашим желудкам, то всё-таки выйдет сытый и сдобный пирог. Что дело, то дело. Ты мастер письменно — , что глотаешь на лету. Твое объядение, а уж за то не хорошо когда — : так и несет старыми, протухшими лицами, ящами еще бабушки Леды.

Все твои поручения исполнены. Да охота тебе посылать книги Нефедьевой: Жихарев их подхватит, да и попадешь в переплет. Не горюй: федосья его не умерла, а вот берегись чего: дочь их, Мещерская, так хороша, что влюбишься. Я вчера видел ее на роуте у Разумовской и удивился, как такой цветок мог посажен быть — Жихарева и взлелеян в луже Жихаревой. Она в роде Бобо Потоцкой, но более свежести и сюавности. Говорят, что они едут за границу, что он получил место, кажется, Швейцера и чуть ли будет жить не в Париже. Держись! Да впрочем слышно, что ты едешь в Симбирск. Жуковский говорит, что тебя все прет то сюда, то отсюда. Во всяком случае, надеюсь, увидимся в Киссингене. Вероятно, отправлюсь на одном из первых пароходов и прямо из Гам-

бурга в Ганау, посоветоваться с Коппом и поклониться тени минувшего, памяти дней тяжелых, но и сладостных, потому что тогда была еще надежда. Кнесингенские воды, которые я пил здесь нынешним летом, вероятно были мне в пользу, потому что в некотором отношении провожу зиму лучше прежних.

Весною будет здесь общий разлив или отлив. Петербург так и хлынет за море. Может-быть, и графиня Эмилия поплывет, если мужу позволят встать с якоря. В Париже ли паша римская Mortemart? Я недавно получил от неё премилое письмо, в котором объявляет, что к марту будет она там. Отчего не выкопаете вы целительных вод в Париже? Или отчего я не Тулубьев? Или отчего не фигляр, шарлатан Тургенев, который других журит, а сам понюхивает табачек de la ferme и другим табак в глаза пускает и постукивает своею табакеркою работы князя Волконского. Ты не только архи вариус, но ты и архиканалья, а нас грешных запрятываешь в «Gazette de France»! Какими коммеражами угостить тебя?

26-го.

Утро вечера мудренее. Вчера был я у Карамзиных и нашел там Ростопчину, которая велела тебя поцеловать. Она палисада очень милые и очень женские стихи императрице. В них упоминает она о лебединой походке её. Мятлев, недавно сюда возвратившийся, написал на эти стихи свои стихи от имени Варфоломея Толстого, который, критикуя уподобление с

лебедем, тем кончает:

Как лебедя сравнить с царицей?

Не знаю ничего глупей:

Скажите ж, может ли при птице

Дежурить граф Варфоломей?

Передай племяннице, Александрине Голицыной, рассуждение дяди её. Этот Мятлев пишет уморительные стихи в подобном роде, и Жуковский им наслаждается. А коммеражей анекдотических нет на лицо. Один и есть, да и тот по части брюха: ты верно влюблялся в молодую Пушкину, фрейлину, племянницу Шевичевой и которую ты, вероятно, встречал у Карамзиных? Эта фрейлина была в Вознесенске и оттуда взята во дворец. Что же оказалось по приезде её в Петербург? Что она семимесячно брюхата – *mais en tout bien, tout honneur* – то есть, *тайно* замужем за меньшим Трубецким, который за шалость сослан был из гвардии в армию. Для большей однако же достоверности, сказывают, что еще раз их здесь перевенчали. Легко понять, какой это был удар Трубецкой-матери! Она дни три после того не плясала. На этой Пушкиной должен был жениться Владимир Соллогуб, а потом молодой Давыдов, сын Себастьянши.

Жуковский погрузился в Англию телом и духом: доучивается английскому языку, изучает исторические, статистические книги о пей и едва ли не сел на порт-вейн. Англия будет главною целью их путешествия. Получил ли ты на-

ши крыловские штуки? Теперь готовят ему медаль, и открывается подписка для учреждения *стипендии* под названием *Крыловской*, дабы процентами с собранной суммы содержать одного или нескольких молодых людей, смотря по сумме, в одном из учебных заведений. Remerciez madame et monsieur Circourt pour leurs brochures. Je prépare un article sur son analyse de «Boris Godounoff», ou plutôt j'ajoute quelques observations aux siennes. Ne négligez pas la traduction de l'ouvrage de Koenig, traduction revue et corrigée, s'entend bien. Si je venais en Allemagne ce printemps, nous pourrions nous en occuper, mais il faudrait que la traduction fût déjà faite pour ce temps.

Наконец, зима наша, кажется, от нас отстает, а то совсем было загрызла нас. О землетрясениях наших говорить тебе нечего: на то Греч и Лаваль. Теперь настала пора роутов; блистательнейшие будут, вероятно, у графини Разумовской. На днях неожиданно явилась к ней царская фамилия. Концерты также пришли в движение. Оль-Буль, скрипач, восхищает уши, души и карманы. Теперь казенная цена за билет 25 рублей: ни на что не похоже! Бывают и утренники, но вероятно, довольно холодные, у Смирновой, Ростопчиной, Бобринской. Мы и при свечах говорить не умеем и пообедав, а тут любезничать на тощак и на чистоту дневного света. Да и красавицы наши по большей части *des belles de nuit*. Еще если бы подавали сладкую водку и закуску, то нашлись бы охотники, а то приглашают щелкать одним язы-

ком. За то одни дипломаты мелкого разбора и утренничают тут с дамами. Графине Долли лучше, но она еще не всем доступна. Весною едут и они. Скоро отправляется и Анна Матвеевна Голицына (Толстая) к дяде, графу Остерману в Швейцарию или Италию. Она очень мила в княжеской своей мантии и брачной прическе. Маленькому Мещерскому, сыну Катеньки, лучше: у него одна нога была как-то смята при рождении, но опасности для будущего нет. Письмо Лакордера о Риме мне очень понравилось. Кто из наших *grands seigneurs*, им упоминаемый, назвал Германию «l'archipel des princes»? А вот тебе каламбур великого князя: «*Etiquette de cour, étiquette de pharmacie c'est toujours de la drogue*». На масленице какая-то маска к нему подходит и говорит: «*Je viens de parier, monseigneur, que vous me feriez sur le champ un calembour*», и при этом она закашлялась; он отвечал ей: «*Vous avez gagné, vous-avez la toux*» (l'atout). Нынешнею зимою было несколько публичных маскарадов, довольно живых и затейливых. Ростопчина и Смирнова тут отличались, но много было и незнакомых лиц, которые удачно интриговали. А в Москве какая-то дама паркет залы собрания кровью залила, также в маскараде: *c'était la nonne sanglante*. Карамзины здоровы и живут по старому, что причиною редких свиданий наших. И они по вечерам сидят дома кое с кем, и мы также. Ожидаю Козловского. Он был уже здесь, но, сказывают, нога опять разболелась. Передовым своим прислал он свой портрет, очень похожий, хотя несколько и изукра-

шенный. Получил ли ты мои два письма о *Записках*? Отвечай же скорее. Обнимаю за себя и за всех своих. Возвращаю письмо к Рейфу, которого здесь нет. Московские пакеты пошли с Денисом Давыдовым. Что делает Веймарский лев? Я чаю, лисит. Не забывай меня при экс-королеве Везувия.

При сем письма: Жуковского, княгине Голицыной, Лизе Пашковой, в редакцию «Archives du commerce», картинка и обратно твое письмо, росписка и наконец сто губоприкладств к ручке Ольги прекрасной.

Тургенев князю Вяземскому.

1/13-го марта 1838 г. Париж.

Встретил Баранта, идущего в Камеру депутатов слушать прения à fonds secrets и узнал от него, что после-завтра едет французский курьер. С тех пор как я отправил тебе несколько волюмов писем с брошюрами и одно письмо по почте, я не принимался писать к тебе и сожалею очень, потому что много слышал и видел любопытного, и по горячим следам моего отчета хорошо бы было пробежать тебе. Теперь все остыло; я успел на другой день талейрановского ораторства послать тебе только несколько слов о речи его; теперь посылаю самую речь, остывшую также от энтузиазма, с коим слушали ее его приятели и единомышленники. С тех пор большая часть журналов осыпали пудроносную главу старца колкими насмешками и воскресили все прошедшее епископа, дипломата, обер-камергера, оратора. Но злее всех был «Le Courrier Français» и «Le National». И немцы напали на того, который обирал их во время Наполеона. Я не только читался, но и наслушался о Талейране и об отношениях его к Рейнгарду. О Талейране рассказал мне многое второй том его, экс-великий рефспдарий Камеры пэров, Семонвиль; а о Рейнгарде – Беньо (Beugnot), бывший три года секретарем его. Талейран презирал Рейнгарда; Рейнгард ненавидел и бо-

ялся Талейрана, который свергнул его с министерского престола на консульство в Гамбург и в Молдавию. Кто-то сказал Талейрану речь: «C'est la vertu qui fait l'éloge du talent!» Прочитав ее на досуге, я сам удивился, как могли «Дебаты» с таким восторгом говорить о таком незначущем произведении пера или секретаря, приятеля Талейрана, ибо сам он не пишет ничего. Первый экземпляр речи своей послал он к здешнему архиепископу. Уверяют, что с некоторого времени славный проповедник Dupanloup ежедневно навещает Талейрана. Речь Талейрана сменила статья Гизо о религии в «Revue Française». Он отпечатал для себя несколько экземпляров и прислал мне только один. По сию пору я не мог еще достать другого. Пошлю тебе или князю Александру Николаевичу, но передайте и в Москву. В салонах только и речи об этой статье; и меня взволновала она, ибо я, по старой привычке, уважаю Гизо и желал бы в нем видеть нечто высшее таланта, нечто лучшее науки, а принужден был избрать эпиграфом для статьи его слова Пилата-индифферентиста *par excellence*: «Что есть истина?» Он льстит католицизму, потому что полагает его в силе, по крайней мере во Франции; чувствуя политическое преобладание католицизма над другими гражданскими и общественными элементами, Гизо говорит католицизму: «*Soyons amis, Суміа!*» и сажает его на престол, с коего революции не удалось на всегда свести его. Как мог президент-оратор здешнего Библейского общества сказать католицизму: «Остаьсл тем, чем ты был доселе, не

изменяйся, не уступай ни шагу; иначе ты потеряешь свое достоинство, силу свою!» Следовательно, останься с иезуитами, с духовниками Лудвига XIV, с инквизицией, с драконадами и с куклюю папы в Риме. Католики торжествуют, смеются в кулачок; но я говорю им: «Такой друг хуже всякого врага». Посмотрите, как он холоден, когда вступается за *своих*, за репрезентантов чистого протестантизма, за «Сеятеля», за Евангелие, «Архив» и прочее, все, что можно постигнуть одним разумом. Все, что одна паука вразумить, а один талант может выразить – все это выразил Гизо в одной превосходной странице; но любовник власти и силы холоден и бессилен, как равнодушные, для того, кто не в наружных явлениях церкви, но в духе и в любви ищет силы и вдохновения. Бессии красноречивые страницы – пустой звон. Я заказал барону Экштейну статью против Гизо: здесь он один может обличить его; Гизо задел его, не назвав по имени, а намекнув на его манеру, на его неопределительность в сочинениях о вере. Они друг друга не любят. Присоветую ему взять эпитафией ответа строку из Villet: «*Sur l'indifférentisme religieux*», на предпоследней странице: «*Et si vous ne pouvez être amis, soyez du moins ennemis*». Конечно, в Апокалипсисе та же мысль выражена сильнее, но и отвратительнее: «Понеже ни студен еси, ни горяч» и прочее. Я бы желал, чтобы наш московский теозоф подслушал разговоры в салонах Свечиной и других о брошюре Гизо. Он был бы под моим знаменами, или я под его. Со вчерашнего заседания в Камере заговорили о союзе,

конечно не священном, Тьерса с Гизо; и о речи Талейрана, и о статье Гизо прения умолкают. «Les fonds secrets» все поглотили. Только еще в таких салонах, где не одна политика владычествует, шутят не над одними министрами, а и над авторами. Вчера провел я втроем с Шатобрианом, Баланшем и Ампером у Рекамье чась предобеденный, и Ампер представлял в лицах статью Гизо, перепрыгивая с одного места на другое и обращаясь то к католицизму, то к «Сеятелю» или олицетворенному протестантизму с похвалами и следовательно с противоречиями. Мрачный с некоторого времени Шатобриан не мог удержаться от смеха. Два волюма его о Веронском конгрессе печатаются и скоро выйдут, и в одно время: здесь, в Англии на англинском, а в Германии на немецком. Веугнот, один из главных членов компании, купившей у Шатобриана *все* его сочинения и *всю будущую* его деятельность, рассказал мне вчера истинное положение этой компании и отношения к ней Шатобриана. Заплатив ему 150000 франков единовременно, они обещали ему 12000 ежегодно, до предъявления им четырех томов его записок о конгрессе Веронском и о Гишпании, после чего за четыре тома компания обязалась платить ему уже по 24000 ежегодно; но приятели Шатобриана, «румяные богачи», ни франком ему не пожертвовавшие, Верак, Брезе и прочие, уговорили его многое из четырех волюмов выкинуть по разным личным уважениям, то опасаясь повредить карлистам, легитимистам, то иным и прочим, и из четырех волюмов от подобных сокра-

щений вышло только два волюма, и компания принуждена была уменьшить пенсию или возвысить ее до 18000 франков ежегодно, кои он теперь и будет получать до кончины своей, а после его кончины жена получит 24000 франков пенсии. Сверх того, за каждый представляемый Шатобрианом том компания платит ему от 12 до 15 тысяч франков, смотря по внутреннему достоинству и по толстобрюшию волюмов; так и за недавно представленные два волюма получил он 30000 франков. Но 14 волюмов записок его уже переданы им компании и хранятся в двух списках: один здесь, другой, кажется, в Лейпциге. Сверх того все, что Шатобриан напишет, принадлежит компании, с заплатою ему на выше-сказанном основании. Сии отношения заставили Шатобриана сказать о самом себе: «Положение мое хуже римского невольника: только тело его принадлежало господину; я поработил и ум свой». Он не весел, недоволен этою сделкою; компания также в убытке покуда и недовольна, по крайней мере мнимыми приятелями Шатобриана, кои ни малейшей помощи ни ему, ни ей не оказали в сем деле. Теперь пожертвованный ими капитал не приносит им ничего, но со временем он оживится и вознаградит отчасти, а может быть и все убытки; главная надежда не на одну выручку за новые сочинения Шатобриана, но и за продажу разным издателям прежних его сочинений права перепечатать, по своему формату, проданные компании новые сочинения. Она надеется парализовать и бельгийскую перепечатню. Но Шатобриан

останется рабом слову своему и следовательно компании: от того и он грустен, и за него грустно. Жена Veugnot, англичанка, которую я знавал в Риме, сказывала мне, что сюда едет шотландский оратор-проповедник и писатель Chalmers собирать сведения о конкордатах, с папским престолом заключаемых, для будущего конкордата с Ирландией. Ему кто-то в Англии сказал, что я сведущ в делах сего рода, и он едет прямо ко -мне; везет от кого-то письмо и надеется с моею помощью собрать сведения о конкордатах польских (русских не бывало) и пр. Я рад случаю пошарлатанить и познакомиться с знаменитым проповедником, коего слышал и в Эдинбурге, и в дальнем городке Шотландии, в Инвернесе.

Тургенев князю Вяземскому.

14-го марта. [Париж].

Я прочел недавно две частицы истории журнала «Дебатов», написанной издателем «Моды» Нетмапом (Nettement) в духе карлизма и легитизма. Много любопытных подробностей, особливо биографических и литературных. Книга начинается вместе с журналом эпохой революции; потом, при Наполеоне, «Дебаты» обращаются в «Journal de l'Empire» и с реставрацией опять принимают старое свое имя. Вместе с измеппением политических систем (l'histoire des varia tons de l'empire Gallican) изменяются и «Дебаты». Хамелеонство оных продолжается и до наших времен, по одна примечательная черта отличает этот журнал от многих других. В числе издателей были всегда, как для политики, так и для литературного фельетона, люда с талантом: Жуффруа, редкий и остроумный критик; Гофман, сведущ как немец, блистателен как француз; Фелец, Этьен, ныне депутат и академик, прежде секретарь Морета, угаданный Наполеоном, и журналист, интригами Фуше и Талейрана сверженный с престола имперского журнала; наконец, участие в «Дебатах» Шатобриана и нашего времени редакторов: Сальванди, Marc-Girardin, Жаненя и прочих. В биографии первых издателей — вся история литературы того времени и наполеоновские на-

беги на оную. Я забыл одного из главных редакторов «Дебатов», Фьеве, коему Наполеон дал эту должность и после, по доносам Фуше, лишил оной. Главными участниками в издании и сначала, и теперь – братья Vertiu.

Мы были с князем Гагариным в Сорбонне, на лекции Marc-Girardin; он продолжает рассматривать «Эмиля» Руссо о связи физического воспитания с нравственным и интеллектуальным; о важности первого, особенно у древних и у диких народов, кои достигают умственного превосходства практикою, наблюдением природы и людей. «Эмиль» привел его к «Робинсону», из коего прочел он нам несколько прекрасных страниц и разобрал красоты этого романа; точность в описаниях: *la vérité vraie* ощущений и размышлений Робинсона; одно из самых верных и сходных с натурою чело- века описаний есть кораблекрушение и минута спасения Робинсона; но это описание взято почти слово в слово из Гомера. Спасение Улисса служило образцом англипсколу роману. Лекция Жирардена нам очень понравилась; ум за разум не заходил у него в этой лекции; мысли и суждения здравые, практически полезные, ясные и иногда блистательные. Еслибы Сорбонна была поближе к предместью св. Гонория, то чаще бы ходил на эту лекцию, но между мною и Сорбонною пол-Парижа.

Сегодня встретил опять m-lle Mars: бледна и бела, как привидение, по все еще поступью богиня. Кто-то сказал о Таллейране в Академии: «M-r Talleyrand est comme m-lle Mars:

il veut mourir sur la scène». Доктор долго уговаривал его отказаться от чтения академичного и наконец сказал ему: «Si vous allez à l'Institut, je ne répons pas de vous!» – «Mais qui vous prie de repondre pour moi», отвечал Талейран с жаром. Семонвиль, коего называют вторым Талейраном, рассказал мне много новых о нем анекдотов, но одного словца не передал. Семонвиль слывет образцовым эгоистом, подчиняющим все действия и поступки расчетам выгод своих. Кто-то, обращаясь к Талейрану, не кстати напомнил ему о старости Семонвиля: «Savez-vous qu'il vieillit?» – «Pas possible», отвечал Талейран: «quel intérêt peut-il avoir vieillir?»

--

Кажется, что мы сохраним Баранта, и я этому очень рад. Вот слова Кине, за кои ему спасибо от имени тех, кои не любят *народности*: «Les temps ne sont plus divisés par des autels intolérants. L'unité de la civilisation est devenue un des dogmes du monde. Un seul Dieu présent dans chaque moment de l'histoire, rassemble en une même famille les peuples-frères, que des années rapides séparent seulement les uns des autres: ceci établi, n'est ce pas le temps de répéter avec plus de fois, que jamais, le mot du théâtre romain:

Je suis homme: rien d'humain ne me semble étranger.

(Эпиграф Гердера).

В этих строках переводчика Гердера виден отблеск мыс-

лей историка человечества; чувствуешь тихое веяние немецкого гения, олицетворившагося в Гердере и в его веймарских сомыслителях и поэтах. «Прометей» Кине вышел. Я опять спросил о нем Шатобриана, а он опять хвалил в нем многое, и я решился послать тебе его. Князю А[лександр] Н[иколаевич] посылаю «L'indifférentisme religieux» Кине, а Аржентинову «Une maîtresse de langue»; и то и другое советую и тебе прочесть. Ламартина прислала мне несколько речей мужа: «Sur la peine de mort», «Sur la loi de la presse», «De la juridiction militaire» и прочее. Но все это берегу про себя. Он будет скоро опять говорить, об уничтожении смертной казни, в Камере, и мне уже обещали на это заседание билет. Сегодня пошли туда многие слушать Гизо, Тьерса и, может быть, и министров; но я дома начитаюсь больше, нежели там услышу. Я часто вижу князя Ивана Сергеевича Гагарина: он, кажется, опять стал тем же, каким я знавал его в Минхене, где мне он очень правился. Не чуждаясь света, он заглядывает и в книги и любит салоны Свечиной и ей подобных. К. А. Нарышкин все осматривает и вчера также был в Камере. Недавно князь Михаил Голицын давал⁴ молодым русским дамам: княгине Долгоруковой (Булгаковой), Голицыной (Кутайсовой), графине Завадовской; Мещерская, за тяжеловесием, не приехала. Я поболтал о тебе с ними и жалел, что тебя не было у нашего любезного Лукулла. Все просят и всем роздаю твои брошюры. Все хвалят ее и удивляются сло-

---

⁴ Пропущено, вероятно, слово: вечер.

гу. Отнес Женисону, баварскому министру, четыре экземпляра: ему, королю, Шеллингу и Севериной, а не Северину, который не вспомнил обо мне в Москве. Здесь роздал: Жомару, Moreau de-Jonnès, Лагранжу, Лёв-Веймару, коего наконец встретил у Лагранжа и болтал много; там же видел и литератора Гейне: он умнее или, по крайней мере, болтливее в книжках и в стихах, чем на словах. Посылаю несколько экземпляров в Лопдон, а может быть и сам сvezу. В «Моде» все еще о тебе ничего не вышло: ей не до нас теперь, но вероятно скоро выдет. В «Revue Suisse», коей афишку посылаю, вышла умная статья Vinet: «Sur l'étude de la littérature» и критика на «Pensées d'Août», но кажется критика приятельская. St.-Beuve сам в Лозанне, где она писана. Отошли к Эмилиии Пушкиной свою брошюру, но от меня: правда ли, что князь Горчаков не женится? До какого рода книг охотница Эмилиия Пушкина? Вероятно, до романов? Постараюсь попасть на её вкус в поэзии или в *воспитании*, о коем она мне когда-то говорила, но дамская педагогия здесь не в силе. Я собирался дослать к тебе копию с письма Georges Sand к Мицкевичу о его поэме или трагедии, которую он давал ей просматривать и поправить в языке, но она расхвалила и советовала и других чуждых поправок не принимать. Поленился списать письмо, а теперь уже и нет его здесь. Сбереги Сисмонди, ибо оригинал затерялся. Любопытное письмо читал к той же Циркур и от Декандоля, но *прозябаемые* тебя не интересуют; ты и без того окружен ими, и сам от них зябнешь.

Полночь.

Я объехал три вторничные мои вечеринки, то-есть, Моле, Гизо и Ансело. У первых двух едва ли число посетительниц было не равное, ибо со вчерашнего дня заговорили о соединении Гизо с Тьерсом для составления нового министерства. Сегодня Монталиве, министр внутренних дел, начал ораторствовать против экс-префекта полиции Жиске о *тайных фондах* и, не договоря, упал в обморок: тем кончилось и заседание Камеры. Уверяют, что подагра поднялась в желудок, но опасности нет. Почувствовав себя дурно, он оборотился с трибуны к президенту, говоря: «Je me trouve mal», а Дюпеню послышалось: «Domiez-moi le journal». – «Quel journal?» спросил он его, но министр упал уже в руки товарищей. Завтра Моле будет отвечать на обвинения и на оглашения полицейских секретов экс-полицеймейстера Жиске. Курьер, вероятно, не так скоро поедет, и Рейнваль позволил мне прислать и к нему пакет, а я за это обещал ему твою брошюру, которую подарил и Гизо, и прусскому дипломату во Флоренции и Царьграде Мартенсу. У Гизо толпились депутаты и искатели фортуны. Madame Ансело мучится родами, ибо завтра дают в первый раз её третью пиесу: «Isabelle, ou les deux jours d'une femme». Вся её надежда на Дюплесси, коей завидует и мешает устаревшая m-lle Mars. Madame Aucelot пригласила нас приехать к пей после театра распить бутылку шампанского, если пиеса удастся, и молчать о ней во весь ве-

чер, если будет освистана. Сдержу приятельское слово, хотя и хотелось бы поумничать кой о чем у С[вечиной].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.